

— Из какой музыкальной семьи он родился? — Вэнь Юэань схватил руку Цзи Вэньтая, почти впиваясь пальцами в ткань рукава.

— Я помню, что оставил у тебя аптечку... — Цзи Вэньтай, увидев следы на запястье Вэнь Юэаня, сначала хотел обработать рану.

— Я спрашиваю, из какой музыкальной семьи он родился? — Вэнь Юэань произнёс каждое слово отдельно.

Он смотрел на Цзи Вэньтая, и его обычно спокойные глаза теперь были похожи на окровавленный клинок, заставляя Цзи Вэньтая замереть на месте.

— ...Лао Вэнь, я... я не знаю, почему ты так на меня смотришь. — Цзи Вэньтай тщательно обдумал годы. — Этого, наверное, никто не помнит. Подумай, десятилетний хаос, да ещё и с западными инструментами, в те времена у таких семей был шанс выжить?

— Да, в те времена... — Вэнь Юэань отпустил руку, его длинные пальцы опустились на штанину, слегка дрожа. — Не было шанса выжить.

Цзи Вэньтай, видя, что Вэнь Юэань немного успокоился, пошёл искать аптечку:

— Куда ты её убрал?

Голос Вэнь Юэаня был очень тихим:

— В верхний ящик.

Цзи Вэньтай, перевязывая руку Вэнь Юэаня, ворчал:

— Ты ведь не Чжун Гуаньбай, в твоём возрасте нужно быть сдержаннее...

Вспомнив, как его отчитали у ворот, он поправился:

— Что могло заставить тебя так волноваться? Если ты хочешь увидеть какого-то ребёнка, я его вызову, никто не осмелится отказаться, услышав имя Вэнь Юэаня. Что могло заставить тебя изменить выражение лица?

Но тут он вдруг вспомнил подпись «Юйлоу» и строку, которую Вэнь Юэань переписал: «Луна освещает нефритовую башню».

Фраза застряла у него на языке, но он так и не произнёс её вслух: «Он... тоже Хэ?»

Вэнь Юэань некоторое время смотрел на свои руки, затем его лицо снова стало спокойным:

— Вэньтай, иди домой.

Цзи Вэньтай действительно не хотел уходить, но это был Вэнь Юэань, тот, кто никогда не оставлял никого рядом. Он убрал аптечку на место, затем налил Вэнь Юэаню стакан горячей воды:

— Если что, звони.

Вэнь Юэань кивнул.

Цзи Вэньтай дошёл до двери, затем добавил:

— Даже если ничего.

Вэнь Юэань не ответил.

Цзи Вэньтай вздохнул и вышел.

На закате камни в ручье в саду светились, лотосы уже увядали, несколько карпов подплыли к Цзи Вэньтаю, думая, что их будут кормить.

Из дома доносились звуки фортепиано, один за другим, как будто свет струился, действительно напоминая «луну, освещающую нефритовую башню».

Цзи Вэньтай огляделся: такие каменные фонари, карнизы, бамбуковые столики — всё это... не было настоящим северным пейзажем.

Возможно, это был просто сон Вэнь Юэаня.

Сон, в котором был сад южного Китая, ручей и карпы, бамбук, лотосы, каллиграфия, шахматы и музыка, и люди.

Цзи Вэньтай взял с подоконника горсть корма для рыб, рассыпал его в воде и направился к воротам.

Когда он тихо закрыл ворота, звуки фортепиано, становившиеся всё тише, внезапно оборвались.

Из дома раздался громкий звук.

— Лао Вэнь! — Цзи Вэньтай вбежал внутрь.

Вэнь Юэань лежал рядом с фортепиано, не подавая признаков жизни, сколько бы его ни звали. Он почувствовал запястье Вэнь Юэаня — пульса не было.

— Юэань!

— Я хочу увидеть этого ребёнка.

Это были первые слова Вэнь Юэаня, когда он очнулся. Он ни на что не смотрел, его голос был холодным, словно он говорил сам с собой.

Цзи Вэньтай долго смотрел на лицо Вэнь Юэаня, затем сказал:

— Я понял.

Через некоторое время он добавил:

— Я позвоню Чжун Гуаньбаю.

Вэнь Юэань сказал:

— Не звони.

— Лао Вэнь, ты просто упрямисься. — Цзи Вэньтай покачал головой. — Я не осмелился позвонить после вызова скорой, не осмелился, пока ты не очнулся. Теперь всё ещё нельзя?

Вэнь Юэань закрыл глаза:

— Вэньтай, ты думаешь, я умираю?

— Ты, Лао Вэнь, почему ты всегда говоришь такие вещи? — Цзи Вэньтай поднял руку, замер на мгновение, затем сжал её в кулак. — Ты ищешь, чтобы тебя ударили?

Но кулак разжался, и он поправил одеяло Вэнь Юэаня.

Прошло много дней, и Чжун Гуаньбай, находившийся за девять тысяч километров, не знал, что Вэнь Юэань болен. В то время он дни и ночи писал музыку, как и все музыканты, превращая боль и радость в песни.

Он и Лу Цзаоцю посетили места, где они когда-то гастролировали: Вена, Берлин, Амстердам... и вернулись на свою последнюю остановку — Париж.

Чжун Гуаньбай взял с собой стопку нотной бумаги и ручки, и в каждом месте он писал по одной композиции. Когда они вернулись в свой приморский городок на юге Франции, у него

уже был толстый альбом. Чжун Гуаньбай никогда не считал свои композиции, кроме тех, что были включены в фильмы, альбомы или опубликованы, он не знал, сколько таких набросков, написанных старым способом, у него было. Все эти годы Лу Цзаоцю вместе с теми, что были созданы в программах, распечатывал их, собирал в альбомы, нумеровал и хранил.

Чжун Гуаньбай особенно любил наблюдать, как Лу Цзаоцю сортирует ноты, особенно этот альбом, в котором три композиции подряд были серенадами, прямыми, как любовные письма.

— Лу Цзаоцю. — Чжун Гуаньбай, прислонившись к двери, позвал в восьмой раз.

Лу Цзаоцю держал в руках уже готовый альбом, на титульном листе он написал дату и место создания композиции, и, услышав голос, его ручка остановилась, оставив на странице чёрную точку.

— Лу Цзаоцю. — Чжун Гуаньбай позвал в девятый раз, его взгляд всё ещё прилип к профилю Лу Цзаоцю, не желая отрываться.

Лу Цзаоцю, опустив голову, молча добавил строку: «Абай, невыносимый».

— Телефон. — напомнил Лу Цзаоцю.

Только тогда Чжун Гуаньбай, неохотно, пошёл искать телефон, который где-то звонил.

— Елена, передай привет Менелаю, дорогому. — голос Лэнса донёлся из трубки, сопровождаемый шумом ветра и шелестом листьев, словно можно было почувствовать запах растений.

Он рубил деревья в своём лесу, сидя на пне, загорая и попивая вино.

— Заткнись, Парис. — Чжун Гуаньбай был в хорошем настроении и тоже пошутил.

— Елена, я не могу заткнуться. — Лэнс, подняв бутылку, рассмеялся. — Кольцо, которое ты заказал, готово. Ты готов сделать предложение Менелаю, дорогому?

— Готов? Нет, не так. — Чжун Гуаньбай улыбнулся с оттенком сладости и горечи, рассказав о своих сомнениях перед предложением и недавних событиях. — Понимаешь, быть готовым сделать ему предложение — это как быть готовым написать абсолютно идеальную композицию, может, в раю это возможно, но не в нашей жизни. Я давно должен был понять, что нет способа, достойного его, я должен был просто, как все обычные люди, умолять его согласиться.

— Елена... — Лэнс, глядя на солнце через бутылку, видел золотистый ореол. — Форма не важна, я уверен, что даже если ты предложишь ему кольцо из крышки от банки, он согласится.

— Я больше не хочу ждать, но... Лэнс, ты можешь представить, что однажды он будет играть мою композицию...

— Конечно. — Лэнс вспомнил, как Лу Цзаоцю стоял у фортепиано, играя на скрипке. Это было самое красивое зрелище, которое он когда-либо видел.

Но можешь ли ты представить, что, когда пальцы его левой руки достигают седьмой позиции, они всё ещё точно играют, но глаза смотрят на кончики пальцев в растерянности?

Чжун Гуаньбай не сделал предложение, не потому что ждал кольца, а потому что боялся.

Лу Цзаоцю, конечно, был сильным, даже сильнее, чем раньше, и это вызывало у Чжун Гуаньбая опасения, что он может сломаться.

— Он всё ещё не слышит часть диапазона, да? — Лэнс угадал причину в молчании Чжун Гуаньбая.

Чжун Гуаньбай не ответил, он услышал низкий, протяжный звук фортепиано из музыкальной комнаты.

— Завтра я заберу кольцо. — Чжун Гуаньбай повесил трубку.

Но на следующий день он не смог этого сделать.

Ещё до рассвета он получил звонок от Цзи Вэньтай.

— Чжун Гуаньбай, тебе нужно вернуться. — Цзи Вэньтай, обычно спокойный, говорил с необычной серьёзностью. — Лао Вэнь заболел, сердечная недостаточность. Не паникуй, пока нет угрозы жизни. Он не хотел тебе говорить...

— Я возвращаюсь. — Чжун Гуаньбай сразу же сказал.

Лу Цзаоцю обнял Чжун Гуаньбая и тут же заказал билеты на обратный рейс.

— Как Лу Цзаоцю? — спросил Цзи Вэньтай.

<http://bllate.org/book/15543/1382909>